

Научная статья / Research Article

УДК 903.224

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-05)

ДИЗАЙН СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Юрий Иннокентьевич Михайлов

ООО научно-производственное объединение «АрхеоПолис», Кемерово, Россия;
kerbalyk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

Резюме. Для декоративного оформления сейминско-турбинских бронзовых изделий использовались различные комбинации двух основных технико-стилистических приемов — рифление и ажур. Разнообразие фактурных и конструктивных решений отвечало ведущему принципу дизайна — вариабельности. Не снижая функциональных характеристик формы, мастер мог избирательно использовать ее конструктивные элементы. Устойчивую систему параметров можно терминологически определить как размерный стандарт, которому следовал мастер. Формирование дизайнерских решений предположительно можно связывать с территорией Среднего Прииртышья. Возникший в условиях серийного производства дизайн бронзовых отливок служил целям групповой идентификации, но вместе с тем материально воплощал символы особого социального статуса внутри группы. Появление и широкое распространение новых типов изделий (наконечники копий с узким пером, кинжалы с копьевидным профилем клинка) позволяют предполагать функциональную обусловленность развития сейминско-турбинского дизайна.

Ключевые слова: ажур, сейминско-турбинский, дизайн, мода, проект, размерный стандарт, рифление

Для цитирования: Михайлов Ю. И. Дизайн сейминско-турбинских бронзовых изделий Среднего Прииртышья // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №1. С. 76–88. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-05)

DESIGN OF SEYMA-TURBINO BRONZE PRODUCTS OF THE MIDDLE IRTYSH REGION

Yuri I. Mikhailov

LLC Scientific and Production Association "ArcheoPolis", Kemerovo, Russia;
kerbalyk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

Abstract. Various combinations of the two main technical and stylistic techniques — corrugation and openwork were used to decorate the Seima-Turbinsky bronze products. A variety of textural and constructive solutions corresponded to the leading design principle — variability. Without reducing the functional characteristics of the form, the craftsman could selectively use its structural elements. A stable system of parameters can be terminologically defined as a dimensional standard that the craftsman followed. The formation of design solutions can presumably be associated with the territory of the Middle Irtysh. Having originated in the conditions of mass production, the design of bronze castings served the purposes of group identification, but at the same time, materially embodied the symbols of a special social status within the group. The appearance and wide distribution of new types of items (spearheads with a narrow nib, daggers with a spear-shaped blade profile) suggests a functional conditionality of the development of the Seima-Turbino design.

Keywords: openwork, Seyma-Turbino, design, fashion, project, dimensional standard, grooving

For citation: Mikhailov Yu. I. Design of Seyma-Turbino Bronze Products of the Middle Irtysh Region. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(1):76–88. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-05)

Введение

По итогам мультидисциплинарного исследования бронзового кинжала из могильника Степное-VII (Южное Зауралье) был обозначен тезис о существовании дизайнерской модели в среде мастеров, впитавших идеи и технологии, имеющие отношение к сейминско-турбинскому феномену (Куприянова, Таскаев, 2018, с. 25). Это аргументированное заключение позволяет сформулировать цель предлагаемого исследования — поиск дизайнерских решений в морфологических, конструктивных и декоративных особенностях сейминско-турбинских металлических изделий. В этой эвристической перспективе наиболее результативным методом исследования представляется морфологический и типологический анализ сейминско-турбинских бронзовых отливок, обнаруженных на территории Среднего Прииртышья. Региональные рамки работы обусловлены следующими обстоятельствами. Территория Среднего Прииртышья входит в исходный ареал сложения характерных типов изделий, связанных с деятельностью центра металлообработки (Черных, Кузьминых, 1989, с. 216). Именно там исследован некрополь у д. Ростовка, в материалах которого наряду с общими формами сейминско-турбинских бронзовых отливок представлены локальные типы металлических изделий. В ходе исследования могильника были обнаружены закрытые комплексы, включавшие различные наборы бронзового инвентаря, которые демонстрируют дизайнерский подход к формированию предметной среды социума.

Декоративное единство формы

Сейминско-турбинские выгнутообушковы ножи с фигурными навершиями рукоятей составляют наиболее выразительную категорию изделий и пока не известны в других культурных комплексах. Их оформление демонстрирует устойчивое сочетание двух основных технико-стилистических приемов — *рифление* и *ажур*. Под рифлением понимается нанесение на негатив литейной формы рифлей (англ. riffle — канавка), благодаря которым на поверхности отливки возникало упорядоченное чередование опоясывающих валиков и углублений (рис. 1.-1, 5–6). Ажур (франц. ajour, от ajouer — делать сквозным) — сквозной орнамент в виде ромбических ячеек или треугольных арок на рукоятках ножей (рис. 1.-3–4, 6). В скульптурных композициях, выполненных по восковым моделям, гривы коней имеют рифление, а столбики и хвосты, соединяющие фигурки с опорной площадкой, создают замкнутую ажурную композицию (рис. 1.-1, 2).

Втулки вильчатых наконечников копий из Среднего Прииртышья снабжены профилированными поясками со сквозными ушками. Посредством универсального приема — прямого рифления моделированы нервюры вилки пера и валики на втулке. Рифление на негативе литейной формы демонстрируют сквозные ушки наконечников из Ростовки. Восприятие ушка как ажурного элемента конструкции соответствует гипотезе о происхождении бронзовых наконечников копий с прорезями от сейминских наконечников с ушком (Бочкарев, Тутаева, 2018, с. 62–63).

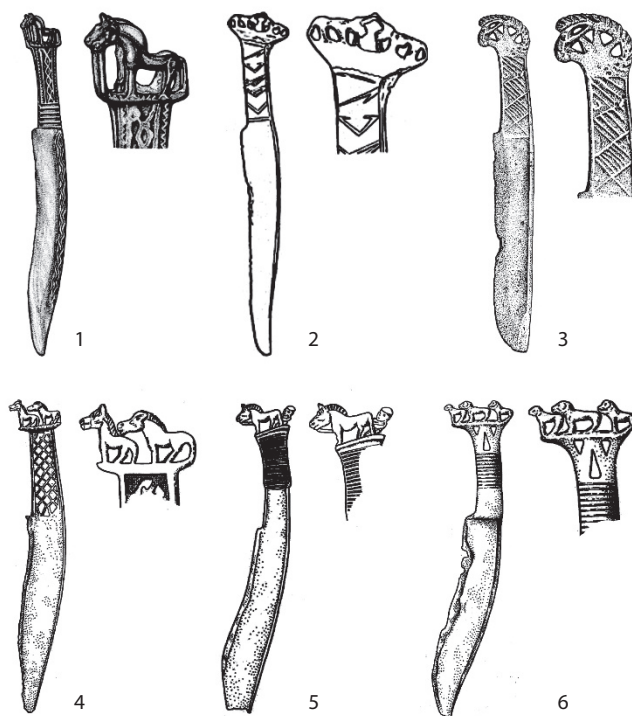

Рис. 1. Основные технико-стилистические приемы: рифление и ажур.

1 – Прииртышская коллекция; 2 – р. Джумба; 3 – Елунино-I; 4 – Сейминский могильник; 5 – могильник у д. Ростовка; 6 – Турбино-II (Молодин, Нескоров, 2010; Черных, Кузьминых, 1989). Без масштаба

Fig. 1. The main technical and stylistic devices: grooving and openwork.

1 – Priirtysh collection; 2 – Jumba River; 3 – Elunino-I; 4 – Seyma burial ground; 5 – burial ground near the village of Rostovka; 6 – Turbino-II (Molodin, Neskоров, 2010; Chernykh, Kuzminykh, 1989). Without scale

Прямое рифление использовалось на негативах форм для отливки среднеиртышских топоров — кельтов. Посредством этого приема «полотно» отливок (Ненахов, 2016, рис. 3) декорировано геометрическим орнаментом. Рифленные сквозные ушки ростовкинских топоров — кельтов, соединенные с орнаментальным пояском под устьем втулки, демонстрируют сходство с оформлением втулок наконечников копий из этого могильника (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 38.-1). Отмеченная особенность выделяет ростовкинские изделия не только в составе сейминско-турбинских бронз, но и среди отливок Среднего Прииртышья. Локальные или редко встречающиеся декоративные решения заслуживают отдельного рассмотрения. Эксклюзивные варианты оформления наконечников копий могут быть использованы в качестве диагностического признака дизайнерских решений. В могильнике Сопка-2/4БВ орнаментальный поясок — «лесенка» моделирован на втулках вильчатого безушкового наконечника копья и безушково-

го кельта (Молодин, 2020, рис. 2.-1, 8). В Прииртышской коллекции штрихованные треугольники заполняют крюк вильчатого копыя с ушком и декоративные пояски на втулках одноушковых кельтов (Молодин, Нескоров, 2010, рис. 1, 8–9). Раздельные «штрихи», образующие зигзаг, украшают втулки наконечника копыя и кельта из могильника Турбино-I (Бадер, 1964, рис. 34, 60).

Отмеченные варианты совпадения орнаментальных мотивов бронзовых изделий из одного комплекса, возможно, обнаруживают «почерк» мастера или, что также вероятно, общность приемов *школы мастеров* в условиях семейной/клановой организации металлообработки. Уже было отмечено, что малозаметные приемы выполнения деталей и образов (трассировка линий и разделка поверхностей) позволяют достаточно надежно относить вещи к произведениям мастеров одной школы (Маршак, 1971, с. 16–17).

Проектирование и конструирование формы

Устойчивые параметры наконечников копий с территории Среднего Прииртышья позволяют предполагать определенную последовательность действий по созданию негатива изделия на створках литейной формы. Возможно, исходной величиной для последующих расчетов была длина пера. Длина втулки составляла половину длины пера. Это же соотношение 2:1 демонстрируют наибольший и наименьший диаметры втулки. По заданным параметрам выводился контур втулки. От линии соединения втулки с пером размечались зубцы вилки. Центральный — на всю длину пера, а боковые — до середины длины наконечника. От окончаний боковых зубцов в обе стороны размечались точки максимального расширения пера на расстоянии, примерно равном наибольшему диаметру втулки. После разметки максимальной ширины пера наносился его абрис. Место ушка на втулке определялось по размеру ее устья. На расстоянии, равном внешнему диаметру втулки, в сторону лезвия размечались верхний край ушка и соответственно верхняя «линия» связанного с ним пояска. Затем в сторону устья размечался нижний край ушка. После этого со стороны ушка непосредственно под пером происходила разметка коленчатого крюка. Верхний (внешний) угол крюка размечался выше линии соединения втулки с пером. Его конструктивные части, образующие угол, близкий к прямому, имели размерное соотношение 1:1 (рис. 2.-4).

Реконструированную систему соотношений можно терминологически определить как *размерный стандарт*, которому следовал мастер. Объективность установленных параметров удостоверяет их соблюдение у вильчатых наконечников копий разной длины. Об этом свидетельствует конструкция вилки пера. Центральная нервюра (ребро жесткости) соответствует длине пера, а окончания параллельных боковых нервюр (зубцов) приходятся на максимальное расширение пера. Таким образом, вилка не только важный конструктивный элемент, но и материальное свидетельство общих (обязательных) правил проектирования формы. Приведенные наблюдения, если они верны, могут быть использованы для восстановления первоначальной формы вильчатых наконечников копий по фрагментированным отливкам и поврежденным негативам литейных форм.

Разработка общих размерных соотношений не препятствовала разнообразию конструктивных решений. По сути это реализация одного из ведущих принципов дизайна — варибельности. Объективно она существовала на уровне индивидуальных ре-

шений. Не снижая функциональных характеристик общепринятой формы, мастер мог избирательно использовать ее конструктивные элементы. Отмеченную возможность творческого выбора демонстрируют выгнутообушковые ножи из могильника Ростовка с разным сечением рукоятей и вариантами их декоративного оформления (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 7.-17; 40.-3; 54.-2).

Разнообразие конструктивных решений также демонстрируют кельты, которые в могильнике у д. Ростовка представлены безушковыми, одноушковыми и двуушковыми формами. В комплексах этого могильника обнаружены три одноушковых кельта и литейная форма для их изготовления (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 18. -1; 32.-2; 38.-1; 43.-3). С учетом одноушковых кельтов из Прииртышской коллекции (Молодин, Нескоров, 2010, рис. 8–11) и литейной формы с р. Иртыш (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 18.-2) данную конструкцию можно рассматривать как *локальный тип* сейминско-турбинских изделий Среднего Прииртышья. Особо отметим единственный двуушковый кельт из Ростовки (Матющенко, Сеницына, 1988, с. 74, табл. 3). Именно этой конструкции подражали самусьско-кижировские кельты с «глухими» ушками. Некоторые из них, подобно исходным образцам из Ростовки, демонстрируют прием рифления ушек. Вместе с тем самусьско-кижировские подражания демонстрируют новый принцип разметки орнаментального поля, который можно рассматривать как диагностический признак самусьско-кижировских топоров — кельтов. Сейминско-турбинские мастера размечали горизонтальный пояс, отступив от устья втулки на расстояние, равное его ширине (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 18.-1; 54.-1). На самусьско-кижировских кельтах отступ вдвое превышает ширину пояса (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 78.-1–6).

В связи с этим есть основания вести речь о возникновении своеобразной моды на определенную категорию декоративно оформленных металлических изделий — кельтов, которые пользовались широким спросом у насельников лесных и лесостепных территорий. Древние мастера, удовлетворяя спрос на продукцию высокотехнологичного ремесла, одновременно стремились удостоверить высокий культурный статус вещи. Эта новая потребность доказать подлинную культурную ценность не могла возникнуть в мире единичных вещей. Она стала следствием серийного производства технологически сложных изделий. *Время «быстрых вещей»* породило стремление удостоверить культурную идентичность металлических изделий в этнически (антропологически) неоднородных социумах на кромке леса и степи. Эта потребность проявляла себя в узнаваемом дизайне бронзовых отливок. В связи с этим подчеркнем, что термин *мода* применительно к самусьско-кижировским отливкам означает, что морфологические новшества были лишены функциональной целесообразности и лишь формально повторяли исходную конструктивно-декоративную схему. Об этом свидетельствуют изменение пропорций, «глухие» ушки изделий и прием дублирования орнаментальных мотивов (ковровый узор).

Эргономические характеристики формы

Стремление к единству оформления бронзовых изделий не препятствовало поиску новых конструктивных решений, расширявших возможности их практического применения. Обратный изгиб массивного клинка выгнутообушковых ножей обеспечивал

эффективность рубящего удара. Рукоять выгнутообушкового ножа из Прииртышской коллекции отлита с углублением, которое разделяет фигурки коней (Молодин, Нескоров, 2010, с. 65, рис. 15). Это конструктивное новшество позволяло более уверенно удерживать рукоять в руке во время рубящего удара, компенсируя действие центробежной силы. С учетом других морфологических особенностей (небольшая длина рукояти, уступ пятки клинка и уступы опорной площадки) можно предполагать адаптацию этого изделия к особой технике рубящего удара (рис. 1.-1, 5). Подобная конструкция фиксировала запястье, поэтому удар наносился с помощью мышц плеча и спины. Он получался не только рубящим, но и режущим.

Сейминско-турбинские выгнутообушковые ножи демонстрируют и другие эргономические решения. Обратим внимание на то, что клинок ростовкинского ножа с лыжником заметно расширяется к острию (рис. 1.-5). При данной геометрии клинка центр тяжести смещался ближе к острию. Это позволяло наносить более эффективные рубящие удары с использованием мышц плечевого пояса. Возможно, не случайно у миниатюрной фигурки лыжника моделированы рельефные лопатки и мощная правая рука. Поскольку фигурка лыжника подразумевает снежный покров, вся композиция непреднамеренно развертывает эргономическую систему «человек — техника — среда». В данном случае физиологические возможности человека в освоении новой техники передвижения были соотнесены с конкретными природно-климатическими условиями.

Функциональная обусловленность формы

В Прииртышской коллекции бронзовых изделий отметим массивный кинжал с кольцевидным навершием рукояти. Данное изделие отличает оригинальное конструктивное новшество — двойные орнаментированные долы на каждой из плоскостей клинка (Молодин, Нескоров, 2010, рис. 17). Вероятно, отказ от тавровидного сечения, свойственного выгнутообушковым ножам, потребовал укрепления обоюдоострого клинка парными долами. Практически это соответствует приему рифления, с помощью которого сейминско-турбинские оружейники усиливали плоскости и втулки бронзовых отливок. В пользу этого предположения свидетельствует сечение желобчатой рукояти и клинка кинжала. Каждая из сторон рукояти усилена пятью нервюрами, причем центральные композиционно продолжают ребра жесткости клинка (рис. 2.-2). Это технико-стилистическое единство конструктивных элементов наглядно демонстрирует ди-зайнерский подход мастера.

Морфологически данному изделию ближе всего кинжал с навершием в виде фигурки лошади с г. Шемонаиха из Восточного Казахстана. Однако его клинок с параллельными лезвиями укреплен ребром жесткости и, что существенно, снабжен коротким острием. Последняя морфологическая особенность указывает на приспособление данного клинка именно к рубящему, а не колющему удару (рис. 2.-1). В сравнении с ним клинок кинжала из Прииртышской коллекции имеет более длинное острие, рассчитанное на колющие удары. Вместе с тем его лезвия плавно расширяются от рукояти на две трети длины клинка. Благодаря этой особенности центр тяжести смещен ближе к острию. Подобная геометрия клинка обеспечивала эффективность рубящего удара. Таким образом изделие было наделено универсальными боевыми характеристиками.

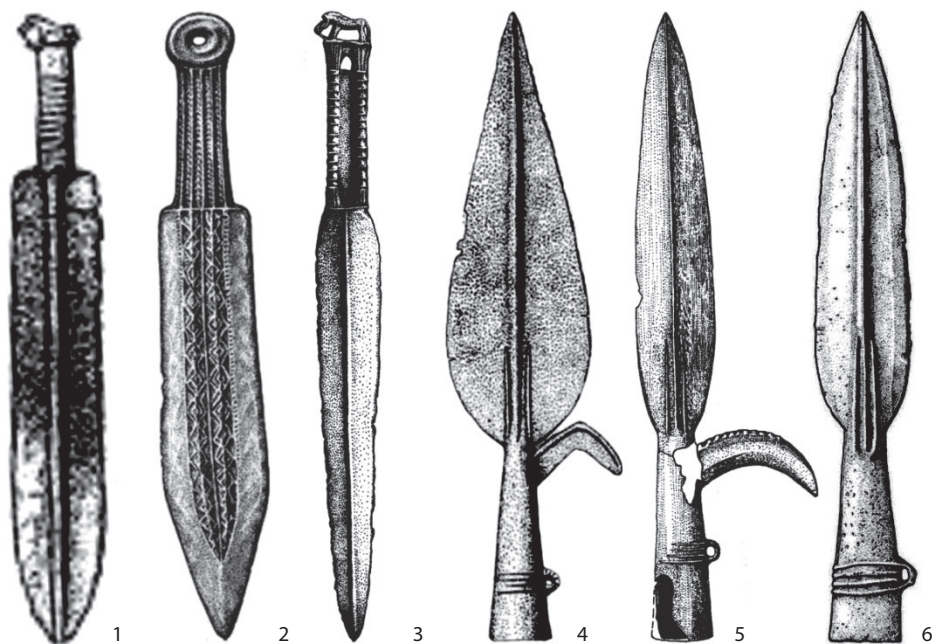

Рис. 2. Кинжалы и наконечники копий: 1 – г. Шемонаиха; 2, 4 – Прииртышская коллекция; 3 – Алтайский край; 5 – Чарыш; 6 – с. Новиково (Кiryushin, 2002; Kovtun, 2013; Molodin, Neskorov, 2010; Tishkin, Semibratov, 2013; Grushin, Afanasyeva, 2021). Без масштаба

Fig. 2. Daggers and spearheads: 1 – Shemonaikha; 2, 4 – Priirtysh collection; 3 – Altay region; 5 – Charysh; 6 – Novikovo village (Kiryushin, 2002; Kovtun, 2013, Molodin, Neskorov, 2010; Tishkin, Semibratov, 2013; Grushin, Afanasyeva, 2021). Without scale

Дальнейшее развитие формы кинжалов, вероятно, было ориентировано только на эффективный колюще-режущий удар. Для него требовалось длинное узкое острие, которое соответственно нуждалось в усилении. Оптимальным конструктивным решением, как и у наконечников копий, было ребро жесткости по всей длине клинка. Новый копьевидный профиль обуюдоострого клинка демонстрирует кинжал с навершием в виде фигурки лошади из Чарышского района Алтайского края (рис. 2.-3). Существенно, что у казахстанского и алтайского кинжалов фигурки лошадей с опорной площадкой соединяет «столбик», который использовался в сейминско-турбинских художественных отливках Среднего Иртыша и Восточного Казахстана (рис. 1.-1, 2). Кроме того, рукоять изделия с г. Шемонаиха демонстрирует различия в орнаментальном оформлении сторон. Этот декоративный прием также обнаруживает близость к сейминско-турбинской традиции металлообработки (Молодин, 2015, с. 102). В целом отмеченные особенности свидетельствуют о сходстве технико-стилистических приемов на территории Среднего и Верхнего Прииртышья.

Специфическим типом вооружения сейминско-турбинских кланов были вильчатые наконечники копий. Поиск новых конструктивных решений обусловил появление на-

конечников копий с узким пером и высокими проникающими возможностями. Возросшая функциональная нагрузка потребовала более прочных вариантов соединения пера с втулкой (рис. 2.-б). Вилку пера заменяют два или три гребня, заходящие на втулку наконечника (Черных, Кузьминых, 1989, с. 73, рис. 36.-1; рис. 39.-1; Кузьминых, 2011, с. 248, рис. 2.-1; Тишкин, Семибратов, 2013, рис. 1; Бобров, 2000, с. 77). По существующему мнению, наконечники копий и кинжалы с копьевидным профилем клинка восходят к «общей матрице» (Ковтун, 2016, с. 105). Приведенные наблюдения позволяют предполагать функциональную обусловленность творческого развития сейминско-турбинского дизайна. Вместе с тем омский наконечник копья с узким пером, втулку которого украшает фигурка животного, свидетельствует о том, что основным заказчиком дизайнерских решений оставалась социальная элита. Именно для нее создавались выгнутообушковые ножи, рукояти которых были украшены скульптурными навершиями. Отметим, что форма клинка позволяла использовать их не только в качестве оружия, но и как орудия для расчистки троп в лесной чаще. В свою очередь, кинжалы с копьевидным профилем обоюдоострого клинка, вероятно, были уже только оружием. Можно предположить, что перспективное развитие сейминско-турбинского дизайна было связано с появлением специализированных форм изделий, в числе которых упомянем копья с узким пером и модифицированной вилкой (рис. 2.-5, б). Близость технико-стилистических приемов оформления всех перечисленных категорий изделий предполагает их преемственность и частичную синхронизацию.

Эмоциональная выразительность формы

В сейминско-турбинских скульптурных отливках акцентированы анатомические особенности тела посредством объемной моделировки мышечного каркаса. Эстетическое переживание художественной формы передавалось пластическим «языком мускулов», поскольку критерием красоты выступало функциональное совершенство тела и вещи. Анатомические детали скульптурных наверший формируют не только сюжетное начало, но и эмоциональное содержание образов. Наклоненная (искривленная) мускулистая фигурка лыжника передает физическое усилие в управлении мощным конем (рис. 3.-1). В свою очередь, рельефно оформленные запястья и скакательные суставы коня свидетельствуют о резвости конских ног. Поэтому в восприятии древних коневодов этот пластический образ обладал должной экспрессией. Фигурка коня ориентирована в противоположную сторону от обушка. Благодаря этому композиционному решению изогнутая форма ножа визуальнo «работает» на динамику композиции. Отмеченные пластические и композиционные особенности свойственны фигуркам коней на рукоятях ножей из Прииртышской коллекции и Сейминского могильника (рис. 1.-1, 4, 5). Изогнутая форма конноголового навершия с ажурной гривой, вероятно, также передает общую идею движения как проявления функциональных возможностей тела (рис. 3.-3).

Наилучшей демонстрацией функциональных достоинств была борьба — состязание. Прижатые уши жеребца в сейминской композиции демонстрируют его агрессивность во время гона (рис. 3.-2). Противопоставленные фигурки быков на рукояти ножа с р. Джумбы передают сюжет брачного соперничества (рис. 1.-2). Наиболее крупная фигурка барана в центре композиции из Турбино-II, вероятно, соответствует образу доми-

нантной особи. Этот художественный замысел дублирует комбинация ажурных арок рукояти — более крупная центральная композиционно противопоставлена двум боковым (рис. 1.-б). Если анималистические образы скульптурных композиций зримо воплотили различные образцы альфа-поведения, то антропологический код ростовкинской композиции реализует идею соперничества и подчинения в ее социологической проекции как господства/управления.

Рис. 3. Бронзовые художественные отливки:

1 – Ростовка; 2 – Сейминский могильник; 3 – Прииртышская коллекция. Фото (Ковтун, 2013)

Fig. 3. Bronze artistic castings:

1 – Rostovka; 2 – Seyma burial ground; 3 – Priirtysh collection. Photos (Kovtun, 2013)

Сейминско-турбинские образцы бронзового оружия и скульптурные миниатюры свидетельствуют о высоком уровне техники металлообработки. В связи с этим уместно вспомнить, что технику не следует понимать сугубо инструментально. Необходимо вести речь не о создании инструментов — вещей, а о способе обращения с ними, не об оружии, а о борьбе. Техника есть тактика всей жизни в целом и представляет собой внутреннюю форму способа борьбы (Шпенглер, 1995, с. 457). Сейминско-турбинских мастеров интересовали не только техники тела животных, но и *тактика поведения* в определенном физиологическом состоянии. Если животные ведут борьбу и доминируют с помощью природных способностей и приспособлений, то лыжник из Ростовки оснащен инструментально. Его тактика определяется различными способами использования технических приспособлений. Форма сейминско-турбинских изделий воспринималась эмоционально потому, что копье с крюком или выгнутообушковый нож были инструментами определенной тактики поведения — борьбы. Инструментальный набор воплощал сумму тактик и символизировал социальный статус обладателя.

Упряжный конь и лыжник из Ростовки демонстрируют совмещение не только различных техник, но и разных культурных практик степных коневодов и пеших лесных охотников. Этот сюжет мог получить собственную мифологическую интерпретацию, но художественный замысел не мог возникнуть вне рамок соответствующей хозяйственной деятельности. Если он имел отношение к историко-культурной реальности как желаемое к действительному, то в этом случае авторская фантазия является проявлением *проектной культуры* общества. Посредством дизайнера эта культура обнаруживает себя во взаимосвязях предметной среды и образа жизни. Не случайно оригинальные приемы сейминско-турбинского дизайна были адаптированы лишь отдельными социумами, которые обладали необходимыми техническими возможностями. Поэтому в историческом прошлом дизайн был дискретным явлением и возникал тогда и там, где общественная практика достигала необходимой технологической оснащенности.

Заключение

Предпринятый анализ различных категорий сейминско-турбинских бронзовых изделий с территории Среднего Приитышья позволяет предполагать возникновение единого подхода к их конструктивному и декоративному оформлению. Визуальное единство формировалось благодаря совместному использованию двух основных технико-стилистических приемов (рифление и ажур), которые соответствовали не только декоративным, но и практическим целям. Конструктивные решения отразили взаимосвязи предметной среды и образа жизни. Под этим углом зрения сейминско-турбинский дизайн был не только видом профессионально-творческой деятельности, но и феноменом проектной культуры.

Сейминско-турбинский дизайн стал порождением высокого уровня металлообработки. Возникший в процессе применения технологических новшеств, он был призван отразить общую культурную специфику серийных изделий. Наряду с этим отдельные образцы бронзового оружия и изделия с представительскими функциями свидетельствуют о том, что дизайн служил не только целям групповой идентификации, но и материально воплощал символы особого социального статуса внутри группы.

Совокупность бронзовых изделий из могильника у д. Ростовка, вероятно, отражает деятельность среднеиртышского центра металлообработки. Дизайнерские приемы и решения, которые использовали мастера этого центра, получили оригинальные варианты адаптации на берегах Камы и Оки. На Среднем Урале и в Западной Сибири исходные конструктивные и декоративные решения формально повторялись в отливках самусьско-кижировского типа. Таким образом, дизайн сейминско-турбинских изделий обусловил возникновение моды на узнаваемый облик бронзовых отливок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М. : Наука, 1964. 176 с.
- Бобров В. В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 76–79.
- Бочкарев В. С., Тутаева И. Ж. Об одной группе металлических наконечников копий — наивысшей эпохи поздней бронзы Северной Евразии // Археология Восточно-Европейской степи. 2018. Вып. 14. С. 40–77.

Грушин С. П., Афанасьева Е. В. Случайные находки артефактов из Чарышского района Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №2. С. 44–60. DOI: 10.14258/traip(2021)33(2).

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово : ASIA-PRINT, 2013. 702 с.

Ковтун И. В. Клинковое оружие сейминско-турбинских группировок // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №4 (42). С. 103–107.

Кузьминых С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 240–262.

Куприянова Е. В., Таскаев С. В. Кинжал из могильника Степное VII как отражение межкультурных контактов в металлообработке эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2018. №2 (41). С. 17–27.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М. : Наука, 1971. 191 с.

Матющенко В. И., Сеницына Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. 136 с.

Молодин В. И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Археология. История. Т. 6. 2015. №2 (62). С. 97–107.

Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в одинавской и кротовской культурах // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2020. №68. С. 49–56. DOI: 10.17223/19988613/68/7

Молодин В. И., Нескоров А. В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника — последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №3 (43). С. 58–71.

Ненахов Д. А. Морфологические признаки кельтов эпохи бронзы и раннего железного века Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №4 (44). С. 67–75.

Тишкин А. А., Семибратов В. П. Бронзовый наконечник копья из Новиково (Бийский район Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 252–255.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.

Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX век: Антология. М. : Юрист, 1995. С. 454–492.

REFERENCES

Bader O. N. Oldest Metallurgists of the Urals. Moscow : Nauka, 1964. 176 p. (*In Russ.*)

Bobrov V. V. Samus-Seyma Bronzes Products of the Kuznetsk Basin // *Archeologiya, Ethnografiya i Antropologiya Evrasii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2000;1:76–79. (*In Russ.*)

Bochkarev V. S., Tutayeva I. Zh. About One Group of Metal Spearheads — Pommel Epochs of the Late Bronze of Northern Eurasia. *Archeologiya Vostochno-Evropeiskoy stepi = Archaeology of Eastern European Steppe*. 2018;14:40–77. (In Russ.)

Grushin S. P., Afanasyeva E. V. Random Finds of Artifacts from the Charysh District of the Altai Territory. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(2):44–60. (In Russ.) DOI. 10. 14258/tra(2021)33(2).

Kiryushin Yu. F. Eneolithic and Early Bronze Age of the South of Western Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294 p. (In Russ.)

Kovtun I. V. Prehistory of Indo-Aryan Mythology. Kemerovo : ASIA-PRINT, 2013. 702 p. (In Russ.)

Kovtun I. V. Bladed Weapons of the Seyma-Turbino. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. = Bulletin of Tomsk State University. History*. 2016;4(42):103–107. (In Russ.)

Kuzminykh S. V. Seyma-Turbino Problem: New Materials. *Kratkie soobsheniya Instituta arheologii = Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 2011;225:240–262. (In Russ.)

Kupriyanova E. V., Taskaev S. V. Dagger from the Stepnoe VII Burial Ground as a Reflection of intercultural Contacts in Metalworking of Bronze Age of the Southern Trans-Urals. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2018;2(41):17–27. (In Russ.)

Marshak B. I. Sogdian Silver. Essays on Eastern Toreutics. Moscow : Nayka, 1971. 191 p. (In Russ.)

Matyushenko V. I., Sinitsina G. V. Burial Ground near the Village of Rostovka near Omsk. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1988. 136 p. (In Russ.)

Molodin V. I. The Phenomenon of Bronze Daggers from the Funerary Complex of the Krotovo Culture (Chronology, Territory of Distribution, Origins). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Archeologiya. Istorija. = Bulletin of Kemerovo State University. Archaeology. History*. Vol. 6. 2015;2(62):97–107. (In Russ.)

Molodin V. I. Seyma-Turbino bronze in Odino and Krotovo Cultures. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija = Bulletin of Tomsk State University. History*. 2020;68:49–56. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/68/7

Molodin V. I., Neskrov A. V. Collection of Seyma-Turbino Bronzes from the Irtysh Region (the tragedy of a Unique Site — the Consequences of the Grave Robbery of the 21st Century). *Archeologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2010;3(43):58–71. (In Russ.)

Nenakhov D. A. Morphological Signs of the Celts of the Bronze Age and the Early Iron Age of Siberia. *Archeologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2016;4(44):67–75. (In Russ.)

Tishkin A. A., Semibratov V. P. Bronze Spearhead from Novikovo (Biya district of Altai region). In: Preservations and Study of Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue. XVIII–XIX. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. Pp. 252–255. (In Russ.)

Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon). Moscow : Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.)

Spengler O. Technology and People. In: *Culturology of the 20th Century: Anthology*. Moscow : Yurist, 1995. Pp. 454–492. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Михайлов Юрий Иннокентьевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-производственного объединения «АрхеоПолис», г. Кемерово, Россия.

Yuri Innokent'evich Mikhailov, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Research and Production Association "ArchaeoPolis", Kemerovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022;

одобрена после рецензирования 28.02.2023;

принята к публикации 14.03.2023.

The article was submitted 21.11.2022;

approved after reviewing 28.02.2023;

accepted for publication 14.03.2023.